

УДК 94  
ББК 63.3 (5)

### К ВОПРОСУ О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПО ДЖУНГАРСКОМУ ХАНСТВУ

Д. Г. Кукеев

Известно, что в настоящее время в китайской исторической науке идет процесс становления современной историографии, имеющей под собой мощный фундамент, который был создан многими поколениями китайских историков. Среди различных аспектов жизни Цинской империи в XVIII в. особое место занимает вопрос о границе и приграничных народах, при изучении которого китайские ученые используют концепцию «да и тун» («Великое единение»), выдвинутую в 1960-х гг. в исторической науке КНР. В связи с этим изучение истории Джунгарского ханства (1635–1758) в современной китайской историографии относится к числу наиболее важных тем исторической науки Китая (КНР), связанных с образованием многонационального государства на основе указанной концепции.

Поскольку ранее мы частично уже рассматривали классическую работу по истории ойратов, именуемую «Мин ши» [Кукеев 2008], то в данной статье мы попытаемся осветить новые тенденции в работах китайских историков, посвященных Джунгарскому ханству: их концептуальный подход, активную переводческую деятельность, сходство и расхождения между традиционной и современной китайской историографиями.

Исследователи отмечают, что XVIII век — это начало радикальных перемен в развитии человечества, импульс которым дали буржуазные революции в Европе. Китайские историки в 90-е гг. XX в. исходили из того, что XVIII век был для Китая «эрой процветания», периодом наивысшего развития не только империи Цин, но и императорского Китая вообще.

В этот период цинский Китай достиг блестящих результатов в самых разных областях, но особое значение имели «расширение границ и освоение территорий» («кай цзянь то ту»), масштабы которых были бес-

прецедентны, а также образование единой многонациональной страны. Достижения этого периода, как отмечают ученые, заложили основы для развития современного Китая. Как важное свидетельство расцвета Китая в середине XVIII в. историки указывают на демографический взрыв, приходившийся на этот период [Доронин 1996: 168].

Еще Р. В. Вяткин пытался рассмотреть концепцию «да и тун», дающую «основание» для фактического отрицания территориальной экспансии Китая, а также монгольского и маньчжурского завоеваний. Она продолжает разрабатываться в ряде работ с великоханьских позиций. Все завоевательные походы и войны Китая против национальных меньшинств внутри страны и против соседних народов за последние две тысячи лет рассматриваются как «справедливые», как столкновения «в одной общей семье». Р. В. Вяткин приводит, к примеру, тезис китайского историка Чэнь Шичжи: «Когда Китай осуществлял оборону или карательные походы, направленные против непрерывных бесчинств главарей национальных меньшинств, то это в плане защиты развития культуры и экономики Центральной равнины [т. е. — Китая: здесь и далее комментарий автора — Д.К.] и его ускорения, без сомнения, *всегда носило справедливый характер* [выделено нами. — Д. К.]» [Вяткин 1981: 60].

В ряде статей на указанные темы целые народы (сюнну, кидани, тангуты, чжурчжэни, монголы и маньчжуры) и их государственные образования (государства Ляо, Цзинь, Си-Ся, Монгольская империя и маньчжурское государство до завоевания Китая), существовавшие веками самостоятельно на своей территории, превратились во «внутренние» национальности ханьского государства, в членов «одной ханьской семьи» [цит. по: Вяткин 1981: 60].

Наиболее обстоятельно, по мнению современных китайских историков, рассматривает проблему границ директор Центра по изучению проблем границ при Академии общественных наук Китая проф. Ма Дачжэн. Он считает, что идея «Великого единения» была ведущей в истории Китая, тысячелетиями она пронизывала мысли и чувства китайского народа и выступала как неосознанная, но весьма мощная сила, сыгравшая огромную роль в процессе формирования Китая как единой многонациональной страны. Временем полного торжества этой идеи стал, по мнению Ма Дачжэна, XVIII век. Под «Великим единением» он, прежде всего, понимает завершившееся в середине XVIII в. формирование границ империи Цин, а также включение в ее состав новых обширных территорий, населенных неханьскими народами, организацию управления этими территориями и многое другое. Ма Дачжэн выделяет четыре этапа осуществления цинскими правителями консолидации территории империи: подавление императором Канси восстания «трех вассалов-князей» («сань фань») и включение в состав Китая Тайваня; осада Албазина и Нерчинский договор; завоевание Джунгарии; установление контроля цинских властей над Тибетом. В результате образовалась единая территория многонационального государства, идея «Великого единения» восторжествовала, центр и периферия интегрировались в единое целое и страна обрела политическое единство и стабильность. Ма Дачжэн подчеркивает, что, хотя и основы своей политики в данном вопросе цинские власти заимствовали из прошлого, многое было впервые в истории императорского Китая разработано ими самими (например, система управления приграничными территориями, идеологическое обеспечение и пр.) [Доронин 1996: 169]. Китайские ученые Ма Дачжэн и Ма Жухэн являются главными специалистами не только по проблемам приграничной политики Цинов [Ма Жухэн, Ма Дачжэн 1994], но и по истории народов, проживавших на этих территориях, в частности ойратов [Ма Дачжэн 1981; 1984].

В трудах исследователей современной китайской исторической науки по Джунгарскому ханству активно разрабатывается антироссийская тема. По их мнению, целью русских являлась экспансия, выразившаяся в использовании Амурсаны для установления контроля над Джунгарией. Отмечается,

что сибирские губернаторы внимательно следили за развитием событий в Джунгарии и что у русских здесь была довольно активная агентура. Известно, что русские, действительно, наблюдали, но не вмешивались непосредственно в джунгарские дела. Тем не менее китайские авторы утверждают, что «...восстание Амурсаны не было военным восстанием, а было попыткой расколоть национальности, поддержанной русскими (миньцзу фэньле паньлуань)» [Ма Жухэн, Ма Дачжэн 1994: 107]. Китайские авторы также цитируют каноническое утверждение Мао Цзэдуна: «Наша страна — это большая и густонаселенная нация, состоящая из множества различных национальностей <...> династия Цин была периодом, когда наша объединенная нация, состоящая из множества национальностей, становилась все более единой и развитой. Подавление Цяньлуном восстания Амурсаны говорит о том, что продолжалась политика Канси и Юнчжэна [императоров], которые защищали единство нации и вели справедливую войну... Это не только усиливало и развивало единство многонационального государства, но также совпадало с требованиями единения национальностей и их общим желанием противостоять расколу. Поэтому победа над восстанием в этой войне стала неизбежной» [цит. по: Ма Жухэн, Ма Дачжэн 1994: 107].

В целом понятие «идея единства» используется довольно часто. Так, директор Института истории Цин при Народном университете проф. Чэн Чундэ в своем докладе «Окончательное утверждение границ Китая в XVIII в.» на состоявшейся в июне 1995 г. в Пекине Международной конференции «Китай и мир в XVIII в.» отметил огромную роль этой идеи в пятитысячелетней истории Китая, но основное внимание уделил некоторым новым аспектам пограничной проблемы [Доронин 1996: 196]. По его мнению, региональные режимы малых народов, проживавших в приграничных районах, как правило, **имели даннические отношения**<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Говоря о специфике «даннических отношений», необходимо отметить, что для традиционного китайского церемониала приема иностранных посольств характерно то, что **сам факт появления посольства от любого государства автоматически объявлялся** **изначальным признанием вассальной зависимости** от Китая. Отношения с иностранными государствами с китайской (маньчжурской) стороны велись через Лифаньюань — Палату внешних сношений, т. е. через министерство, ведавшее «внутренними» делами китайской империи и к тому же имевшее чисто формальное значение, поскольку над ним стояло по край-

*с империей и никогда не ставили себя вне «большого китайского единства» («чжунхуа да и тун»)), всегда являлись частью большой китайской нации, поэтому консолидация всех этих территорий стала процессом вполне естественным. В рамках «Великого единения» в империи Цин сложилось тесное взаимодействие центра и периферии, что создало благоприятные условия для формирования многонациональной китайской культуры [Доронин 1996: 169]. В таких условиях система внешнеполитических органов, действовавшая на основе китаецентристских принципов, препятствовала тому, чтобы дипломатическая традиция была приведена в соответствие с реальностью [Воскресенский, Лузянин 2003: 306].*

Отечественными востоковедами выявлены две тенденции в развитии концепции «единого многонационального Китая». Одна тенденция заключается в стремлении построить научную модель формирования нынешнего «единого многонационального Китая»; ее приверженцы признают, что современный Китай сформировался в результате длительного и сложного процесса исторического развития [Воскресенский 2001: 51]. Другая тенденция представляет более раннюю историографию, представители которой безапелляционно выдвигали тезис о том, что Китай издревле существовал как единое многонациональное государство, поэтому территории всех народов, живших по соседству с ханьцами, рассматривались как территории Китая. Взаимоотношения цинского Китая, например, с Россией трактовались с позиций негативной оценки последней как потенциального агрессора, стремившегося расколоть «единство многонационального Китая» [Намсараева 2003: 43].

Китайская историография свидетельствует о хорошем знакомстве ученых с трудами коллег — российских и японских историков<sup>2</sup>. В КНР историки-монголоведы

ней мере еще две инстанции: Цзюньцзичу (Высший государственный совет) и сам император.

<sup>2</sup> Помимо этого, существуют и переводы на китайский язык трудов японской историографии, которые затрагивают непосредственно и опосредованно историю Джунгарского ханства. Имеется целый ряд трудов японских исследователей, которые внесли определенный вклад в изучение истории Монголии и Центральной Азии в целом и истории Джунгарии в частности. Эти работы используются китайскими историками, о чем свидетельствуют ссылки в их трудах. Интерес исследователей к последней кочевой империи центральноазиатских степей XVIII в.

знакомы с трудами советских исследователей. На китайский язык переведены труды таких ученых, как Б. П. Гуревич, И. Я. Златкин, В. С. Кузнецов<sup>3</sup>.

Значительное внимание уделяется исследованиям истории приграничных народов и территорий в КНР. Не составляет исключения и история Джунгарии. В Хух-Хото был издан труд Дзунко Мияваки «Последняя кочевая империя» [Гунсе Гунцзы<sup>4</sup> 2005], переведенный с японского на китайский язык, что и представляет собой новое веяние в современной историографии, кото-

(Джунгарскому ханству) имеет место и по сей день. Современная историография, исследующая Джунгарское ханство, имеет некоторые особенности и испытывает влияние политической конъюнктуры. «Политизация» при исследовании истории Джунгарского ханства объясняется стремлением обосновать свое право на наследование оставшихся после его разгрома территорий историками тех государств, с которыми непосредственно граничило Джунгарское ханство и к которым перешли его территории. В современной китайской историографии довольно часто упоминаются исследования японского историка 30-х гг. XX в. Вада Сэи (на китайском языке Хэ Тяньцин). Эти идеи нашли свое отражение в ряде трудов [Wada Sei 1959; Хэ Тяньцин 1984], которые впоследствии были поддержаны японскими и китайскими учеными. Можно предполагать, что его политическим взглядам не противоречит позиция Хидэхиро Окада и Дзунко Мияваки, склонных видеть в Джунгарском ханстве XVII–XVIII вв. не ханство, а «хунтайджийство», которое в своей основе предполагает отсутствие системы «государственности» и лишь наличие брачно-союзных отношений между правителями ойратских племен [Miyawaki 1982]. Таким образом, активное использование термина «княжество» («хунтайджийство») в востоковедной исторической науке Японии по отношению к Джунгарии взамен принятого в западном и российском востоковедении термина «ханство» является определенной особенностью японского ойратоведения современного периода.

<sup>3</sup> См.: 1) статья И. Я. Златкина на китайском языке «Освободительное движение монголов в 1754–1758 гг. против Цинов и разгром Джунгарского ханства» в «Справочных материалах по изучению истории монголов» («Мэнгуши яньцзю цанькао цзыляо») (вып. 18) [Мэнгусюэ цзыляо соинь 1987: 169]; 2) статья Б. П. Гуревича и В. А. Моисеева на китайском языке «Взаимоотношения Цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII — XVIII вв. и китайская историография» в «Материалах по истории Северо-Запада» («Сибэй лиши цзыляо»), 1980 г. [Мэнгусюэ цзыляо соинь 1987: 170]; 3) статья В. С. Кузнецова на китайском языке «Из истории завоевания Цинским Китаем Джунгарии» в «Справочных материалах по изучению истории монголов» («Мэнгуши яньцзю цанькао цзыляо»), 1975 г. (вып. 18) [Мэнгусюэ цзыляо соинь 1987: 172]; 4) статья И. Я. Златкина на китайском языке «Архивные материалы об Амурсане» в «Минцзуши ивэньцзи», 1983 г. (вып. 11) [Мэнгусюэ цзыляо соинь 1987: 175] и др.

<sup>4</sup> На китайском языке Гунсе Гунцзы.

рая уже не пытается ограничиваться только источниковой базой цинской историографии и трудами китайских историков.

В «Сведениях и материалах по монголоведению за 1985 г.» («Мэнгусюэ цзыляо юй циньбао») (Вып. 3 и 4) опубликована переведенная на китайский язык статья японского монголоведа Ханэда Акира «История джунгаров XVI–XVII вв. и расцвет ойратов» [Мэнгусюэ цзыляо соинь 1987: 169]. В этом же сборнике (1985) опубликована статья другого японского ученого Вакамацу Хироси «Калмыки и Восточный Туркестан в середине XVII века» [Мэнгусюэ цзыляо соинь 1987: 170]. Другая его работа «Продолжительность жизни Хара-Хулы», изданная в «Справочных материалах по изучению истории монголов» («Мэнгуши яньцзю цанькао цзыляо») вызывает интерес уже своим названием [Мэнгусюэ цзыляо соинь 1987: 170]. Еще И. Я. Златкиным отмечалось, что источники сообщают очень мало сведений о перемещениях, происходивших в те годы в юго-восточной группировке ойратов. Можно только уверенно утверждать, что в 20–30-х гг. XVI в. непрерывно росли сила и влияние чоросского дома, возглавлявшегося Хара-Хулой [Златкин 1964: 149]. И. Я. Златкин утверждал это, исходя из сведений, содержащихся в русских архивных материалах; для реконструкции исторических событий, происходивших в юго-восточной группировке ойратов, которую представлял чоросский Хара-Хула, необходимо обращаться к восточным источникам, что и было сделано японским ученым.

Вакамацу Хироси фигурирует в том же сборнике (Вып. 3 и 4) с работой «Процесс формирования Джунгарского княжества». Здесь также не используется словосочетание «Джунгарское ханство», а ойратское государство именуется, как мы видим, «княжеством». Если верить китайскому источнику, то термин «Джунгарское княжество» использует и упомянутый выше Ханэда Акира (см. [Мэнгусюэ цзыляо соинь 1987: 170])<sup>5</sup>.

Событиям ожесточенного противоборства между Цинской империей и Джунгарским ханством, а также трагической гибели последнего посвящен труд другого японского исследователя Тиба Мунэо с громким названием «Черный смерч: похоронный звон

джунгаров» [Chiba Muneo 1986]. Его труд, по-видимому, содержит богатый фактический материал, среди которого имеются ранее неизвестные российскому монголоведению сведения о важнейших исторических событиях в джунгарском обществе. Примером может служить упоминание Тиба Мунэо о том, что в 1745 г., когда джунгарский правитель Галдан-Церен умер, вспышки оспы стали причиной беспорядков у джунгаров и причиной смерти около 30 % населения ханства [Perdue 2005: 48].

Традиционная китайская историография Средневековья имеет свою специфику. В последнее же время при активной переводческой деятельности в стране китайские историки все шире используют переводы научных трудов на китайский язык с японского и русского языков для более дальнейшего обоснования концепции «да и тун» в современной китайской историографии. Что касается ойратского направления в исследовательской деятельности китайских коллег, то оно базируется на традиционном описании, выработанном еще во времена правления династии Цин. Концепция «да и тун» активно используется китайскими исследователями при изучении истории Джунгарского ханства в период его наивысшего могущества. Она лежит в основе и цинской политики XVIII в., и современной внешней политики КНР, которые направлены на достижение двух основных целей: сохранение и поддержание порядка на западной границе бывшей Джунгарии и Восточного Туркестана по Памиру и устойчивого равновесия между различными народами, населявшими регион, таким образом, чтобы ханьцы могли управлять ими всеми, как это делали маньчжуры при династии Цин.

#### Литература

- Воскресенский А. Д. Пограничные проблемы Китая в работах китайских исследователей конца XX века // Граница Китая: история формирования. М.: Памятники историч. мысли, 2001. 470 с.
- Воскресенский А. Д., Лузянин С. Г. Политика Китая в Центральной Азии // Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ, 2003. С. 301–335.
- Вяткин Р. В. Историческая наука в КНР // Историческая наука в КНР. М.: Наука, 1981. С. 3–72.
- Гунсе Гунцзы. Цзуйхоу ды юмудиго (Последняя кочевая империя). Хух-Хото: Нэймэнгу жэньмин чубаньшэ, 2005. 226 с.
- Доронин Б. Г. Китай и мир в XVIII веке // Восток. 1996. № 5. С. 168–172.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1964. 470 с.

<sup>5</sup> Не является исключением статья Сагути Тору «Обзор истории и общественной экономики джунгаров» [Мэнгусюэ цзыляо соинь 1987: 171].

- Кужеев Д. Г. Комментированный перевод 328 цзюани «Мин ши» — «Ойраты» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 2. С. 24–31.
- Ма Жухэн, Ма Дачжэн. Циндай ды бяньцзын чжэнцэ (Приграничная политика династии Цин). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1994. 508 с.
- Ма Дачжэн. Сулянь шисюэ цзе лиюн Эго данань яньцзю чжунгьгээр лиши гайшу (Очерк по истории Джунгарии, исследуемой советскими историками с использованием русских архивных материалов) // Чжунгьгээр ши луньвэньцзи (Сборник статей по истории Джунгарии): в 2-х тт. Синин: Цинхай жэньмин чубаньшэ, 1981. Т. 2. С. 15–30.
- Ма Дачжэн. Элутэ мэngu ши яньцзю цуншу (Обзор исследований по истории ойрат-монголов) // Миньцзю яньцзю дунтай (Ситуация в изучении национальностей): в 2-х тт. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсююань миньцзю яньцзюсо, 1984. Т. 2. 32 с.
- Мэнгусюэ луньвэнь цзыляо соинь (1949–1985) (Указатель статей по монголоведению (1949–1985). Хух-Хото: Нэймэнгу дасюэ чубаньшэ. 1987. 746 с.
- Намсараева С. Б. Институт наместников цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII веке: дис. ... на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2003. 246 с.
- Хэ Тяньцин. Миндай мэngu ши луьньцзи (Очерки по истории Монголии во времена династии Мин). Пекин: Шану иньшугуань, 1984. 480 с.
- Chiba Muneo. Jungaru no Chosho // Kara buran: Kuroi suna-arashi, 2 vols. Tokyo: Kokushokankokai, 1986. 200 p.
- Chiba Muneo. Tenzan ni habataku // Kara buran: Kuroi suna-arashi, 2 vols. Tokyo: Kokushokankokai, 1986. 196 p.
- Miyawaki J. The Nomadic Kingship based on marital alliances: The case of the 17–18<sup>th</sup> Century Oyrad // Proceedings of 35<sup>th</sup> Permanent International Altaistic Conference. Taipei, 1982. P. 361–370.
- Perdue P. C. China Marches West: the Qing conquest of Central Eurasia. London: The Belknap press of Harvard University press. 2005. 725 p.
- Wada Sei. Studies on the history of the Far East (Mongolia) by Dr. Wada Sei. Tokyo: Toyo bunko. 1959. 650 p.

УДК 94(470.47)

ББК 63.3 (2)46

### ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ КАЛМЫКОВ С ОРГАНАМИ УПРАВЛЕНИЯ И НАСЕЛЕНИЕМ АСТРАХАНИ В НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ XVII ВЕКА

В. Т. Тенкеев

История Астрахани в XVII столетии тесно связана с историей калмыков, которые появились в степях Северного Прикаспия на рубеже 1620–1630-х гг. Монголо-ойратские войны второй половины XVI и начала XVII в. стали основной причиной исхода большей части ойратов с территории Восточного Алтая в степи Юго-Западной Сибири. Столкнувшись с оборонительной линией Московского государства на сибирском направлении и находясь в условиях затяжного военного противостояния с монголами и казахами, некоторые калмыцкие улусы не смогли обеспечить себя здесь привольными и безопасными кочевьями. Более успешными оказались их действия при продвижении в юго-западном направлении — в степи Эмбо-Яицкого и Волжского бассейнов. На этих путях калмыки иницируют контакты с крупнейшим торговым и опорным пунктом России в Северном Прикаспии — Астраханью.

Осенью 1630 г. улусы Хо-Урлюка перекочевали на зимовку с территории сибирских городов в Приаральские Каракумы и далее на Эмбу. Здесь они вошли в тесный контакт с алтыульскими татарами мирзы

Салтаная, предложившего им свои услуги для совместного набега на ногайские улусы под Астраханью [Богоявленский 1939: 67]. Салтанай оставался непримиримым противником астраханских властей и «промосковски» настроенных ногайских мирз, а появление калмыков на Эмбе стало для него еще одной возможностью навредить своим врагам. По мнению В. П. Санчирова, междуречье Эмбы и Яика служило своего рода плацдармом для продвижения калмыков к берегам Волги [Санчиров 2008: 12].

Поскольку отряд был небольшой и действовал двумя группами, при подготовке, видимо, упор делался на фактор внезапности, и алтыульцы в конечном итоге смогли незаметно в обход застав провести калмыков к окрестностям Астрахани. 27 декабря 1630 г. (по новому стилю — 6 января 1631 г.) ногайские улусы были атакованы калмыками. Наибольшие людские и материальные потери понесли улусы князя Каная, Кара-Кельмаммет Урмаметева и мирз Алея и Шейдяка [Новосельский 1948: 227; РГАДА. Ф. 127 (Ногайские дела). Оп. 1. 1631 г. Д. 3. Л. 11–12]. Калмыки так же неожиданно скрылись, как и появились. Стрелецкий го-